

— Когда тебе нужно? Я могу попробовать сначала написать часть, — сказал Ли Вэймин и, опустив голову, притворился, что задумался. — Кроме того, я хочу попробовать дописать две предыдущие книги Отверженного горного отшельника. Тогда те, кому нравились его рассказы, придут покупать и новые. И даже если развлекательный квартал семьи Сан наймёт рассказчиков, слушателей будет больше.

— Хм, почему ты раньше не сказал? — хоть Бо и отругал Ли Вэймина, выражение его лица показывало, что предложение того его весьма заинтересовало.

— В таком случае, новая книга, возможно, выйдет немного позже, не знаю, сможете ли вы подождать... — осторожно произнёс Ли Вэймин, наблюдая за выражением лица Бо.

— Даю тебе месяц, — Бо лениво откинулся назад, и Жёлтая змея скользнула к нему на грудь. — До зимнего солнцестояния ты должен написать ту часть, о которой я тебе говорил в прошлый раз, и показать мне!

— Почему именно до зимнего солнцестояния? — Ли Вэймин встал и подошёл к Шуанлянь. — Теперь мы с вами заодно, ваше высочество Ели. Если у вас есть какие-то планы, почему бы не рассказать мне о них? Возможно, я смогу вписать пару строк в повесть, разве это не удвоит результат при вдвое меньших усилиях?

— Ты пытаешься вытянуть из меня слова! — Бо резко вскочил и схватил Ли Вэймина за тонкую шею. Зрачки Ли Вэймина сузились, и он с трудом выговорил: — Нет, я ни в коем случае! Я... я всё ради Шу-Шуанлянь!

Бо увидел, что Ли Вэймин пристально смотрит на него, не отводя взгляда и не выказывая ни малейшего страха, и наконец медленно отпустил его. Ли Вэймин сильно закашлялся. Его сердце бешено колотилось. Шуанлянь поспешила подойти и похлопать его по спине. Она принялась уговаривать Ли Вэймина:

— Господин Ли, не спрашивайте так много, просто делайте, как он говорит.

— Хм, впрочем, не беда, если расскажу, — Бо с презрением взглянул на них. — В день зимнего солнцестояния по Императорской улице пройдут слоны. И тогда разъярённые слоны от имени небесного божества накажут вас, невежественных смертных. Если у тебя хватит способностей, можешь вписать в свою повесть и явление бога-слона. Я прикажу напечатать её и распространить в тот день. Хе-хе, а ведь это отличная идея.

— Хорошо, — Ли Вэймин со страхом опустил голову и поклонился. — Я напишу. Хотя моё перо и не сравнится с пером Чжан Шаньчу, я сделаю всё возможное, чтобы ваше высочество остались довольны.

— М-м, — Бо махнул рукой. — Пока ты будешь благоразумен, она будет в безопасности... — Он протянул руку, притянул Ли Вэймина к себе, и его голубоватые глаза впились в глаза юноши. — Мой друг будет следовать за тобой. Не пытайся выкинуть какой-нибудь трюк!

Жёлтая двухголовая змея свернулась в клубок, постепенно уменьшаясь, и наконец превратилась в маленькую птичку размером с воробья с тёмно-жёлтыми крыльями, которая уселась на плечо Ли Вэймина. Птица открыла клюв, но из него донеслось всё то же змеиное шипение.

— Ступай... — Бо толкнул его, и фигура Ли Вэймина внезапно исчезла за стеной. Птица последовала за ним, растворившись в тёмной ночи, и вскоре их след протыл.

* * *

— Чжифэн, братец Чжифэн... я видела! Я видела! — Чанчан, опередив И-и, вбежала в дом. — Я... я...

— Выпей воды, говори помедленнее, — Тань Чжифэн взял вещи из рук И-и и втащил внутрь размахивающую руками Чанчан. — Что ты видела?

— Наверняка слонов. Этот ребёнок, должно быть, впервые их видит, — Чжоу Яньцзин с улыбкой посмотрел на Чанчан. — А вы знаете, что одна женщина, увидев слона, вернулась домой и удивлённо воскликнула: «Откуда взялся осёл с таким большим носом!»

Все рассмеялись, а Тань Чжифэн недоумённо спросил:

— Разве танец ослов, а, нет, танец слонов не в день зимнего солнцестояния?

— Дурак, — И-и презрительно взглянул на него. — Выезд Сына Неба — это важное событие, как можно обойтись без репетиций?

Тань Чжифэн внезапно всё понял. Похоже, сегодня Чанчан наткнулась на репетицию шествия слонов.

Лин-эр тихо сидел за столиком и слушал, как Чанчан описывает ему шествие семи слонов по Императорской улице под восхищёнными взглядами толпы. Рассказывая, она вдруг хлопнула себя по лбу и достала из-за пазухи искусно вылепленного из муки маленького слоника, выглядевшего как живой.

— Лин-эр, потрогай, слон вот такой, с длинным-длинным хоботом... — Чанчан взяла руку Лин-эр и провела ею по хоботу и двум бивням слоника. Лин-эр хихикнул.

Тань Чжифэн видел, что дети хорошо играют, и не торопился звать Чанчан на помощь. Приближалось зимнее солнцестояние. На севере в этот день было принято есть вонтоны, а немного погода наступал праздник Лаба, и ему нужно было приготовить ингредиенты для каши Лаба. На кухне и в погребе мешки были навалены доверху.

— Миску вонтонов, — раздался знакомый голос, когда занавеска на входе шевельнулась. Тань Чжифэн обрадовался, бросил лапшу, которую держал в руках, и выбежал наружу. — Старший брат Чжань, ты вернулся!

Чжань Чжао, покрытый дорожной пылью, был одет в синюю хлопковую рубаху. Хотя на его лице виднелась усталость, она ничуть не умаляла его выдающейся внешности. Он улыбнулся и кивнул Тань Чжифэну. По его виду Тань Чжифэн понял, что Чжань Чжао успешно выполнил свою миссию и наверняка благополучно сопроводил генерала Лу Чжэна обратно в Кайфын.

Чжань Чжао, угадав невысказанный вопрос Тань Чжифэна, промычал «м-м» и добавил:

— Всё улажено.

Он нашёл столик и сел. Тань Чжифэн тут же попросил Чжочжо обслужить его. С тех пор как Сюй Гань выкупил и лавку, и прилегающий дворик, дела у Тань Чжифэна пошли гораздо увереннее. К тому же, обжившись, он готовил гораздо более разнообразные закуски и фрукты, чем в самом начале: тут были и сушёные побеги бамбука, и сушёный лопух, не говоря уже о маринованных полосках дыни, абрикосовых дольках, имбире в сливовом сиропе, кристалльных

сладостях, ароматном сахаре и многом другом.

После малых и больших снегов погода становилась всё холоднее. В котле Тань Чжифэна постоянно варился суп из баранины. Среди всех видов мяса жители Кайфына особенно любили баранину, особенно в период зимнего солнцестояния.

Однако Тань Чжифэн считал, что, хотя баранина и является прекрасным блюдом для согревания в холода, она обладает сильным согревающим свойством. Для этой группы студентов, у которых не было рядом семей и которые даже ещё не женились, чрезмерное укрепление почек и усиление ян было нежелательно. Он слышал, что в последнее время в Переулке Бойни стало оживлённее, чем обычно. Не связано ли это с тем, что он ежедневно подавал супы из баранины, приготовленные по разным рецептам?

Поэтому Тань Чжифэн решил немного «остудить» этих молодых людей. Как раз недавно кто-то упомянул, что при предыдущей династии при дворе готовили вонтоны двадцати четырёх сезонов для императора. Каждый вид вонтонов имел разную начинку, разное тесто и разный способ лепки... Так что от одного только вида можно было растеряться.

Когда тот студент рассказал об этом, все присутствующие вздохнули, сожалея, что эти рецепты не сохранились до наших дней, иначе даже один взгляд на них был бы настоящим откровением.

— Что в этом такого удивительного? — тихо пробормотал Тань Чжифэн. — Просто для каждого сезона использовали соответствующие продукты.

Тань Чжифэн предполагал, что они, вероятно, и не догадывались, что вонтоны для зимнего солнцестояния на самом деле были очень простыми. Зимой овощей было мало, кроме погребов, полных капусты, были только бамбук и папоротник.

Бамбук был зимним, а папоротник — свежим и нежным. Один поэт предыдущей династии писал: «Гора в тысячу чи холодна, седина в волосах — лишь половина стиха. Бамбук и папоротник ещё можно собрать, возвращайся домой, пока не поздно». Это показывало, что даже в суровую зиму всё же можно было найти немного зелени.

— Вот, несут, несут, — Тань Чжифэн и Чжочжо несли деревянные подносы, на которых стояли миски с дымящимися вонтонами. Тань Чжифэн поставил миску перед Чжань Чжао и сел напротив него.

— М-м, — попробовав, Чжань Чжао не мог не похвалить: — Неплохо, Чжифэн, твоё кулинарное мастерство становится всё лучше.

Сказав это, он снова вздохнул:

— Эх, жаль, что твой старший брат слишком занят и не может часто приходиться... Кстати, я видел, что в соседнем дворике построили ещё один дом. Кто его арендует?

— Э-э... — этот вопрос задел Тань Чжифэна за живое. В последнее время он придумывал много способов, чтобы не спать в одной комнате с Сюй Ганем. К счастью, второй дом во дворе был почти достроен, и ему наконец-то не придётся каждый день тратить духовную силу, чтобы усыплять Сюй Ганя.

Тань Чжифэн рассказал Чжань Чжао о том, как Сюй Гань купил эту таверну и соседний дворик. Чжань Чжао слушал с интересом, время от времени поглядывая на Лин-эр, который вместе с

Чанчан вылавливал вонтоны. Наконец он осторожно спросил:

— Сюй Гань... м-м... похоже, он очень ценит кровные узы. Как вы, братья, ладите? Гармонично?

Тань Чжифэн снова потерял дар речи. Сюй Гань в последнее время только и делал, что стучал и гремел, строя дом. Со стороны могло показаться, что он собирается обзавестись жильём и жениться. Но на самом деле у Сюй Ганя не было ни малейшего намерения искать мачеху для Лин-эр. Наоборот, как только у него появлялось свободное время, он либо сидел в таверне, молча наблюдая, как Тань Чжифэн готовит на кухне, либо перелистывал несколько старых книг за стойкой.

— В... всё хорошо, — сказал Тань Чжифэн. — Сначала было немного непривычно, но сейчас уже лучше.

— М-м, вот и хорошо, — Чжань Чжао встал. — Мне нужно идти, меня ждёт куча дел. Большие дела нужно завершать, и малые тоже... Эх, с тех пор как вернулся, ни минуты покоя.

Тань Чжифэн понял, что имел в виду Чжань Чжао. Смерть Чжан Шаньчу была малым делом, но она повлекла за собой большое дело о том, как поступить с генералом Лю Пином после битвы на северо-западе. Теперь оба дела были раскрыты, и оставалось только решить, как поступить с семьёй Лю Пина и тем помощником, который его оклеветал.

Что касается дела Чжан Шаньчу... Тань Чжифэн вдруг о чём-то подумал и, наклонившись к Чжань Чжао, тихо сказал:

— Кстати, в последнее время я совсем не видел Ли Вэймина...

— О?! — на лице Чжань Чжао отразилась озабоченность. — А другие его видели?

— Чжоу Яньцзин сказал, что он в последнее время редко покидает Императорскую академию и усердно учится, — ответил Тань Чжифэн. — Но мне всё равно кажется, что-то не так.

— Господин Чжань, — не успел Тань Чжифэн договорить, как рядом раздался холодный голос Сюй Ганя: — Давно не виделись. Как поживаете?

Сказав это, он, не дожидаясь ответа Чжань Чжао, развернулся и ушёл на кухню. Чжань Чжао почувствовал исходящую от Сюй Ганя недружелюбную ауру и, направляясь к выходу, наставлял Тань Чжифэна:

— Помни, если будут новости, приходи в управу Кайфына и ищи меня. — Сказав это, он ещё раз заглянул внутрь и добавил: — Я пошёл.

Тань Чжифэн проводил Чжань Чжао и вернулся искать Сюй Ганя. В последнее время Сюй Гань так часто наблюдал за тем, как Тань Чжифэн готовит, что и сам научился одной-двум десятым его мастерства.

Сейчас Сюй Гань, вымыв руки, хотел помочь Тань Чжифэну раскатать тесто для вонтонов. Вонтоны, которые делал Тань Чжифэн, были меньше и изящнее, чем в большинстве заведений Кайфына. Тесто было квадратным и очень тонко раскатанным. Сюй Гань, подражая Тань Чжифэну, посыпал тончайший лист теста крахмалом, затем сложил его несколько раз, как веер, и несколькими быстрыми ударами ножа нарезал. Стопки квадратных листов теста для вонтонов аккуратно лежали на столе, готовые к использованию.

<http://bllate.org/book/14942/1323829>